

³⁸ Там же. С. 81–82.

³⁹ Там же. С. 157.

⁴⁰ Карпович М. Предисловие к нью-йоркскому изданию. С. 11.

⁴¹ Григорова Т. Л. Время — События — Люди [Электронный ресурс]. URL: http://www.grigorov.ru/memory/vrema_sobytia_ludi/html [на 23.07.2009 ресурс недоступен].

⁴² Ковалева-Огородникова Л. Л. Сергей Рахманинов: Последние адреса на родине: (К 135-летию со дня рождения великого рус. композитора) // История Петербурга. 2008. № 1. С. 92.

⁴³ Там же. С. 86.

⁴⁴ Там же. С. 92.

⁴⁵ Ульянова Г. Н. Благотворительность московских предпринимателей... С. 468–472; Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н. 1) П. М. и С. М. Третьяковы — благотворители, меценаты, коллекционеры, общественные деятели // Документ. Архив. История. Современность: Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 119–130; 2) Боткины — благотворители, меценаты, коллекционеры, общественные деятели // Там же. Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 199–209.

⁴⁶ Гавлин М. Л. 1) В. П. Зилоти и ее воспоминания // Зилоти В. П. В доме Третьякова. С. 4; 2) Российские Медичи. Портр. предпринимателей. М., 1996.

В. В. Керов

ДЕЛОВАЯ КУЛЬТУРА СТАРООБРЯДЧЕСКОГО КУПЕЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ XVIII–XIX вв. И ЕЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ

В истории предпринимательства одним из самых трудных для изучения секторов является история деловой культуры¹. Перейти от складывающейся «иконаграфии» выдающихся предпринимателей и инвентаризации отрицательных или положительных примеров из мемуарной литературы к полноценной истории деловой культуры позволяет выявление ценностей и институтов, обеспечивающих мотивацию определенных форм хозяйственной практики, соответствующие установки и формирование бизнес-культуры конкретно-исторического сообщества. Следует выявить «действующие в социальных системах нормативные экспектации, коренящиеся в культуре и определяющие, что именно надлежит делать при тех или иных обстоятельствах людьми в различных статусах». Эти экспектации интегрируются с мотивами деятелей и таким образом осуществляется сочленение «социальных систем с глубинными слоями личностных структур ее членов и с культурной системой, которая легитимизирует и <...> ориентирует действия членов социальной системы»². Наличие тех или иных ценностей и институтов, лежащих в начале цепочки, ведущей к определенным формам социального действия, дает возможность с полным основанием оценивать эти формы как типичные, имевшие ограниченное распространение или уникальные. В данном случае объектом исследования являются деловая культура старообрядцев и ее социокультурные факторы.

В литературе существуют разногласия в отношении честности староверов в деловых отношениях. Исследователи придерживались мнения, что старообрядцы «пользовались репутацией самых честных дельцов в России»³. Современники (и доброжелатели и враги старой веры) также сходились во мнении о том, что старообрядческое предпринимательство в различных регионах характеризовалось повышенной честностью даже в эпоху усиления аицизма в конце XIX — начале XX в.⁴ Об этом же свидетельствуют примеры из практики крупных предпринимателей-старообрядцев, предприятия которых могли в ряде случаев получать значительные кредиты «без обеспечения» как «прямо личный кредит правлению»⁵.

В то же время некоторые авторы писали о деформациях деловой этики староверов, прежде всего проявлявшейся в допущении компромиссов с религиозной совестью в деловой сфере⁶. По данным источников, в XVIII — первой половине XIX в. старообрядцы могли не платить фабричные налоги, подати «за билеты содержимых ими работников», подделывать документы. По свидетельствам современников, для староверов допустима была «ловкая хитрость с нераскольниками, особенно с чиновниками», а также со священством синодальной церкви. В небольшом числе случаев это касалось и предпринимательских аспектов деятельности старообрядческих общин. Вообще староверы приобрели «большое искусство в нарушении и обходе законов»⁷.

Каким же в действительности был данный элемент деловой культуры старообрядцев? Обладала ли эта деловая культура целостностью и стабильностью? Кажущееся противоречие снимается при анализе ценностно-институциональной системы староверческого предпринимательства. В первой половине XIX в. завершилось формирование староверческой духовной концепции Дела как христианского подвига, ставшей ядром конфессионально-этической основы хозяйствования старообрядцев. Во многом определявший эсхатологическими ожиданиями в староверии сформировался культ делания и дела.

С самого начала реализация *вероисповедного активизма* осуществлялась в «благих делах». Аввакум постоянно подчеркивал, что «делать» — совершать христианский подвиг, активно подготавливать спасе-

ние бессмертной души следует в этой жизни⁸. Эти нормы закрепились уже начале XVIII в. в старообрядческих общинах. Вслед за выговцами керженецкие поповцы прямо указывали, что все истинно верующие спасаются в своем «благом деле»⁹. Само содержание «дела Христова» изменялось, оно уже включало не только духовные занятия, но и физический труд, и «купеческое дело». В последующее время эта тенденция закрепилась и получила свое развитие в различных согласиях. Концепция Дела стала ядром всей этической системы старообрядчества. В ней соединились и получили свое завершение идеи душеспасительного мирского «труда благого», полное оправдание собственности как инструмента спасения, конструктивный эсхатологизм, представления о личной ответственности за общее дело и веру, а также другие компоненты староверческой духовности. На завершающем этапе в конце XIX в. наибольший вклад внесли епископы поповцев Арсений Уральский и Михаил (Семенов).

«Никак нельзя отрицать спасение для всякого человека на всяком месте», — подчеркивал св. Арсений. Человек может спастись исполнением главных Христовых заповедей, из которых следуют все остальные: любовь к Богу и к ближнему. Исполнения заповедей реализуется в благочестии, исполняемого каждым «противу его состояния и обстоятельств, поелику возможно в лучшем направлении», — развивал Арсений традиционную мысль отцов церкви. Никто при этом не будет осужден «за то, на свершение чего он не имел силы и возможностей». Соответственно, у каждого есть свое душеспасительное дело «по его возможностям», в том числе для предпринимателя — милосердие. Для некоторых «истинно верующих» предпринимательское дело — это христианский подвиг, а у нищих и убогих другой путь — аскеза¹⁰.

В наиболее концентрированном виде концепцию изложил епископ Михаил. Каждый истинно верующий, готовясь к спасению, возглашает: «Иду на труд Твой, Господи!» — и начинает «сознательно подвижнический путь свой за Христом». Этот путь в своем «святом деле» — главное средство спасения. Пост и молитва — «великое дело», но «не спасут они нас, пока не оживут, а оживут они, когда рядом с исполнением наших заповедей согреем сердца святой работой <...> желанием положить лепту на дело Господне», — писал епископ Михаил. «Возможна ли для нас святость, — спрашивал он, — когда мы до такой степени опутаны тенетами жизни <...> Не только возможна, но и обязательна». «Для нас и школа святости, и первое ее проявление — служение Богу теми силами и на том месте, на котором мы стоим». «Школой святости» могло быть и предпринимательство. «Поле и торговля не тенета для души <...> каждая профессия может быть святым “постом”, святым делом, нужно только спастись от тенет, отыскивая в каждом деле те его стороны, какими можно послужить Богу». Можно заниматься и успешным предпринимательством: «Иди каким угодно путем — тот и другой ведут к небу <...>». «Главное в деле спасения — “делать для Бога свое дело”» — такова квинт-эссенция староверческой духовной концепции Дела¹¹.

В рамках этой новой концепции фактически душеспасительным делом признавался практически любой труд, исполняемый верующим на своем месте, в своей профессии, в том числе в предпринимательстве. Важной новацией явилось то, что «дело о Господе» могло быть мирским и не имеющим никакой связи с конфессиональной деятельностью. Но для признания дела «святым» требовалось выполнение ряда условий.

Во-первых, дело должно было выполняться в соответствии с этическими правилами: необходимо было «честно, “по совести”, делать свое мирское дело». Во-вторых, по результатам дела надо отдавать дань одной из двух важнейших Христовых заповедей: любви к ближнему, милостыни и милосердию. Но главным считал епископ Михаил необходимость в своем деле принести «любовный дар Богу — <...> приношение, которое мы приносим Богу не от страха, а от любви и благодарности к нему». Если же душа, «сытая “о Господе”, не забывает из-за печали житейской бывать в селениях горных, — труд свят». В отличие от представлений старообрядцев XVIII — первой половины XIX в., чтобы труд представлял собой святое душеспасительное дело, уже необязательной была его конкретная направленность «на благо общины». Главное было осознать, что это дело — для Бога, «принять в свою совесть ответственность за весь мир», главное — в «ощущении Бога и в движении вместе с Ним, с Его помощью к высшим целям жизни»¹².

Эта концепция получила свою реализацию в этической практике старообрядческих предпринимателей. Дело в среде старообрядческого купечества, как и в Западной Европе, стало самоценным. Отношение к нему проявлялось не только имплицитно в хозяйственных документах, но и прямо осознавалось и вербализовывалось в различных текстах, включая не только деловые письма и мемуары, но и конфиденциальные эпистолярные источники¹³.

Дело представляло собой самостоятельную этическую цель. Ради Дела возможно было идти на некоторые отступления от идеала сакрализованной повседневности. Наиболее яркой формой такого рода отступлений для старообрядцев, субъективно ставивших задачу «бегать новизны», стали *новше-*

ства и заимствования в технико-технологической стороне дела. Староверы часто ради дела первыми вводили технические нововведения, в вопросах же важных, также имеющих отношение к спасению, но не связанных с главным Делом, даже в благотворительности отрицали заимствования. Так, рабочие-староверы, стоявшие у новейших станков английской фирмы «Бр. Платт и К^о», попав в госпиталь Рогожской общины, оказывались на деревянных койках, так как железные кровати, уже стоявшие в военных госпиталях, были признаны попечителями душегубительным «заграничным новшеством»¹⁴.

Так же обстояло дело с другим запретом — на «сообщение с иноверными». Запрет не распространялся на случаи «благословенной вины (причины — *В. К.*) и великой надлежащей нужды»¹⁵, которой и было Дело. В процессе предпринимательства староверы активно вели дела с представителями различных национальностей и конфессий, в том числе с мусульманами и иудеями.

Значение Дела в конфессиональной, в том числе — сотериологической — системе старой веры было так велико, что для деловых нужд допустимо было пойти на *сознательное совершение грехов*. Грех «с помыслами» был самым серьезным, и, если покаяние сразу же не происходило, даже после свершения относительно легкого греха, такой проступок оценивался как «тяжкий смертный грех»¹⁶. Но в предпринимательстве староверы во многих случаях шли на это, сознательно греша ради своего Дела. Это относилось не только к общению с «неверными», к производственным «новинам», но и к занятию делом в воскресенье и праздники и др. Старообрядческие наставления почти открыто признавали такую возможность, назначая епитимью за подобный грех «по нужде» — в 100 поклонов, и даже «без нужды» — в 300, что не представляло собой серьезного наказания¹⁷.

Упомянуты в источниках и примеры из самой практики старообрядцев-предпринимателей. Так, Т. С. Морозов активно использовал штрафование рабочих¹⁸. Зная лично старообрядческие хозяева объясняли массовое штрафование не стремлением к наживе, а преданностью Морозова делу¹⁹. Формально, с конфессиональной точки зрения он сознательно совершал тяжелый грех лихоимства (присвоение чужой собственности или труда). Именно с этим грехом был связан вопрос, обязательно задававшийся духовниками хозяевам-староверам — «не задерживал ли плату наемника?» («<...> плата, удержанная вами у работников, пожавших поля ваши, вопиет, и вопли жнецов дошли до слуха Господа <...>» — Иак 5. 1–4)²⁰. Это прегрешение могло привести к лишению причастия, но дело требовало дисциплинировать крестьянскую массу, «добиться безукоризненного товара», и Морозов вводил новые штрафы, а затем, по свидетельству старого морозовского слуги, «у себя в моленной <...> часами со слезами отмаливал грех штрафования», как того требовали правила благочестия²¹.

Концепция дела, ставшего важнейшей ценностью старой веры, в которой совместились душе-спасительный христианский подвиг и предпринимательское занятие, во многом определила черты деловой культуры старообрядцев: *активизацию усилий в профессиональном Деле* и в хозяйственной деятельности; стремление *улучшить и развить* его; строгое *соблюдение христианских нравственных норм и т. д.* Изъятия из строгой этики делались лишь для государства и господствующей церкви, олицетворявших мир антихриста и его предтеч.

Массированная коррупция в отношении органов власти и чиновников имела своей функцией обеспечение существования общины, обеспечение материальной основы старой веры — предпринимательства. Готовность к «добровольным» воздаяниям чиновникам получили свое идейно-конфессиональное обоснование. Внутренняя коррупция строго осуждалась, запрещалось делать что-либо для своих («христиан») «за дары». Подношения «внешним» без повода также были запрещены в старой вере, другое дело — для спасения и сохранения старообрядческих общин²².

Старообрядцы в данном случае не различали налоги и взятки, объединяя их в понятии «дань». Они объясняли, что «дань» можно давать и «нечестивым», но именно за сохранение веры: «за что даем дань — не за службу, не за веру их, но за обладание и за имущую им власть по попущению святого Бога. Дабы никто не имел на нас гнева, во еже до конца обидети: аще требует враг злата — дадите, аще ризу — дадите, аще почести — дадите, аще веру хошет отъяти — мужайтесь всячески. Мы в последнее время живем и потому всяку дань даем всякому просящему, дабы не предал враг на муку, или бы не заточил в незнаемое место <...>»²³.

Таким образом, точка зрения об отступлении от норм деловой культуры при анализе на ценностном уровне оказывается несостоятельной. Староверы в этих случаях вполне точно соблюдали институциональные установки. Выявление социокультурных систем старой веры (духовная концепция Дела о Господе и др.) позволили точнее определить конкретные типичные элементы деловой культуры старообрядцев, обладавшей очевидной целостностью.

Примечания

- ¹ Деловая культура — система норм, ценностей и установок, реализующихся в повседневной хозяйственной жизни, которая обеспечивает, организует и регулирует экономическую практику общества.
- ² Парсонс Т. Общий обзор // Американская социология: Перспективы. Проблемы. Методы. М., 1972. С. 365–368, 374.
- ³ Мельников П. И. Очерки поповщины // Мельников П. И. Полн. собр. соч. СПб.; М., 1898. Т. 13. С. 368; *Пайнс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 312; *Барсуков В. Л.* Петр III и предпринимательство в России // Сибирь в XVI–XX веках: Экономика, обществ.-полит. жизнь и культура. Новосибирск, 1997. С. 81; и др.
- ⁴ Кириенко В. В. Влияние старообрядчества на формирование менталитета восточных белорусов // Старообрядчество как историко-культурный феномен. Гомель, 2003. С. 111; *Замула И. Ю.* Из истории семейских Верхнеудинска в XIX — начале XX в. // Старообрядчество: История и современность, местные традиции, рус. и зарубеж. связи. Улан-Удэ, 2001. С. 178; *Кривошеин К. А.* Александр Васильевич Кривошеин: Судьба рос. реформатора. М., 1993. С. 41; *Шишмарев Д. И.* Краткий очерк промышленности в районе Нижегородской и Шуйско-Ивановской железной дороги. СПб., 1892. С. 29; и мн. др.
- ⁵ ОР РГБ. Ф. 322. Оп. 41. Д. 13. Л. 20.
- ⁶ Ермишина С. А., Наумова Г. Р. Православный менталитет русского делового человека // Буржуазия и рабочие во второй половине XIX — начале XX века. Иваново, 1994. С. 27; и др.
- ⁷ Дневные дозорные записи о московских раскольниках / Сообщ. А. А. Титовым. М., 1885. С. 46, 48, 52, 61, 80, 92, 119 и др.; *Синицын И. И.* Отчет «О расколе в Ярославской губернии» // Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиев. Лондон, 1862. Вып. 4. С. 177; *Попов К.* Раскол и его путеводители. М., 1901. С. 120; *Мельников П. И.* Очерки поповщины. С. 368; *Власов А. Н.* Неизвестные материалы по истории старообрядчества на Севере // Старообрядчество: История и современность... С. 61; *Найденов Н. А.* Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1903. Т. 1. С. 95; *Рустик О.* Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7/8. С. 75; и др.
- ⁸ Житие Аввакума написанное им самим и другие его сочинения. М., 1987. С. 31, 105 и др.
- ⁹ Ответы Александра диакона (на Керженце), поданныя нижегородскому епископу Питириму в 1819 году. Н. Новгород, 1907. С. [208].
- ¹⁰ *Арсений Уральский, еп.* Оправдание Старообрядствующей Христовой Церкви... М., 1999. С. 63–65, 249.
- ¹¹ См.: *Михаил (Семенов), еп.* Избранные статьи. М., 1998. С. 19–21, 22–24, 78–80, 89 и др.
- ¹² Там же. С. 9, 13, 18, 23, 40, 79–81.
- ¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 122. Оп. 1. Д. 526. Л. 113; ОР РГБ. Ф. 322. Оп. 41. Д. 13. Л. 23; *Кокорев В.* Обличительное дело. СПб., 1859. С. 4 3-й паг.
- ¹⁴ *Андреев В. В.* Раскол и его значение в народной русской истории: Ист. очерк. СПб., 1870. С. 81; *Мельников П. И.* Очерки поповщины. С. 363.
- ¹⁵ [*Ксенос И. Г.*] История и обычаи Ветковской церкви. Н. Новгород, [1906]. С. 101.
- ¹⁶ См., например: ОР РГБ. Ф. 734. Д. 26. Л. 109 об.–110.
- ¹⁷ Правила собора федосеевцев 1 октября 1751 года // Сборник правительственных сведений... С. 41.
- ¹⁸ ЦИАМ. Ф. 342. Оп. 1. Д. 751. Л. 7–55.
- ¹⁹ *Рябушинский В. П.* Старообрядчество и русское религиозное чувство. Русский хозяин. Статьи об иконе. М.; Иерусалим, 1994. С. 158.
- ²⁰ Это вопрос, по свидетельству В. П. Рябушинского, каждый раз задавал «на духу» П. М. Рябушинскому и его сыновьям их исповедник (Там же. С. 158).
- ²¹ Там же.
- ²² См.: *Синицын И. И.* Отчет... С. 137; Тюменские статьи // Духовная литература староверов Востока России XVIII–XIX вв. Новосибирск, 1999. С. 460.
- ²³ Нечто вроде апологии Федосеевской против Филиппонов, обвиняющих Федосеев в страсти к торговле и деньгам... // Сборник правительственных сведений о раскольниках. С. 232–233. См. также: Сто статей московских поморского согласия // Там же. С. 206; *Синицын И. И.* Отчет... С. 161–162; Послания Варсонофия Иванова // Духовная литература... С. 404; Соборное уложение Ирюмского собора 29 мая 1723 г. // Там же. С. 333.

С. Б. Шатохина

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУПЕЧЕСКИХ ЖЕНЩИН РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Модернизация страны с началом буржуазных реформ Александра II затронула почти все социальные слои и группы, включив их во все усложняющиеся процессы социально-экономических преобразований. Эти изменения не могли оставить в стороне русское купечество, в т. ч. и женскую его половину. Свообразным предвестником зарождающихся новых тенденций во взаимоотношениях полов в купеческой среде стала пьеса А. Н. Островского «Гроза», не случайно появившаяся в 1856 г. И хотя «луч света в темном царстве» был лишь робким шагом по пути женской эмансипации, но это был пример, постоянно воспроизводящийся не только на столичных и провинциальных театральных подмостках, он постепенно, но настойчиво, проникал в купеческие семьи. Стремление женщин купеческого сословия изменить стиль жизни, выйти из тесного и закрытого круга семьи и домашнего хозяйства подпитывалось не только театром и литературой. Общий тренд развития общества требовал